

Однако сколько ни ждали, время окончания служебных занятий уже прошло, а человека так и не появилось. Чжэнь Цюн предположил, что Шэнь Ко, как обычно, увлекся математическими расчетами и забыл о времени, но неожиданно Хань Мяо поспешно прибыл и, встретившись с ним, сразу же сказал:

— Госпожа Шэнь внезапно заболела прошлой ночью, брат Шэнь сейчас находится дома, и, боюсь, не сможет прийти.

Чжэнь Цюн тут же заволновался:

— Как так внезапно заболела? Насколько это серьезно?

— Я уже нашел для нее известного врача и собираюсь навестить ее. Цюн, ты хочешь пойти со мной? — спросил Хань Мяо.

— Конечно, пойдём! — Чжэнь Цюн вдруг вспомнил о чем-то, стремительно побежал в комнату и через мгновение так же быстро вернулся. — Пошли!

Не спрашивая, что он принес из комнаты, Хань Мяо повел его в дом Шэнь Ко. Семья Шэнь жила в Южном предместье, в арендованном доме, где три поколения теснились в маленьком дворике, который был даже меньше, чем боковой дворик, где жил Чжэнь Цюн.

Услышав о прибытии гостей, Шэнь Ко лично вышел их встретить. В отличие от вчерашнего уверенного и бодрого вида, сейчас его волосы были растрепаны, лицо бледное, а под глазами темные круги. Увидев Хань Мяо, он низко поклонился и, сдавленным голосом, произнес:

— Спасибо, Цзиншэн, за то, что пригласил великого врача Ван...

Этот Ван был известным врачом из столицы, происходил из семьи придворных лекарей и славился своим умением справляться с тяжелыми случаями. Однако из-за преклонного возраста он редко выезжал на вызовы, и даже если у кого-то были деньги, чтобы заплатить за его услуги, его все равно было трудно уговорить.

Шэнь Ко даже не мог представить, что едва он отправил сообщение в дом Хань, как Хань Мяо уже пригласил великого врача Ван. Увидев своего благодетеля, он едва не упал на колени, чтобы выразить свою благодарность.

Хань Мяо шагнул вперед и поднял Шэнь Ко:

— Брат Цуньчжун, не стоит так. Как сейчас себя чувствует ваша супруга?

— Великий врач Ван сделал иглоукальвание, и она уже пришла в сознание. — Шэнь Ко едва сдерживал слезы, но, произнося слова «пришла в сознание», не смог удержаться, и слезы потекли по его лицу. — Врач сказал, что жизни ничего не угрожает, ее можно спасти. Я даже не знал, что она так сильно больна, думал, что это просто простуда...

Кто мог бы упрекнуть этого измученного мужчину, который едва сдерживал слезы?

Хань Мяо тихо вздохнул:

— Главное, что все в порядке. Не беспокойся о расходах на лечение, брат Цуньчжун. Я также привел двух надежных служанок, которые помогут ухаживать за больной и вести хозяйство.

Сын Шэнь Ко был еще мал, мать стара, а жена внезапно тяжело заболела — как он мог

справиться со всем этим? Не говоря уже о расходах на лечение. Только за вызов великого врача Ван нужно было заплатить сотню связок монет, а потом еще лекарства и гонорар врача — все это было немалой суммой. Поступок Хань Мяо был настоящим спасением в трудную минуту.

Шэнь Ко едва сдерживал себя, готовый снова поклониться, но Хань Мяо остановил его и мягко сказал:

— Брат Цуньчжун, ты друг Цюна, а значит, и мой друг. Если могу помочь, то обязательно помогу, не стоит так.

Услышав имя Чжэнь Цюна, Шэнь Ко посмотрел на него сквозь слезы и хотел что-то сказать, но тут маленький даос шагнул вперед и сунул что-то ему в руку.

— Когда я впервые встретил брата Шэня, это было из-за этой вещи. Брат Шэнь, возьми это на случай нужды, и если что-то понадобится, не стесняйся. — Чжэнь Цюн быстро произнес эти слова и похлопал Шэнь Ко по руке, чтобы утешить его.

Раскрыв ладонь, Шэнь Ко с изумлением обнаружил, что ему вручили кусок золота с маленьким следом от зубов. В тот день Чжэнь Цюн помог ему в трудной ситуации, а теперь спас жизнь его жены. Такая благодарность не могла быть выражена простым словом «спасибо».

Слезы потекли еще сильнее, смачивая бороду, но Шэнь Ко не стал их вытирать, а лишь поклонился обоим, а затем позвал сына, чтобы тот поклонился им в знак благодарности. После долгих уговоров отец и сын наконец успокоились. Две служанки из дома Хань быстро взялись за работу, ухаживая за больной и заботясь о стариках и детях. Хаос в маленьком дворике постепенно начал улаживаться.

Стоя во дворе, никто не обращал на них внимания, и Хань Мяо просто молча наблюдал за происходящим. Прошло немало времени, прежде чем он вдруг произнес:

— Моя мать тоже когда-то заболела внезапно. У нее была грудная жаба, и она скончалась, не дождавись врача. Отец, убитый горем, не прожил и трех лет, последовав за ней.

Потеря родителей стала для Хань Мяо незаживающей раной. Когда он внезапно получил известие о их смерти, казалось, что небо обрушилось, давя на него так, что он едва мог дышать. Но у него была бабушка, младший брат и огромное семейное дело, которым нужно было управлять. Даже горе стало роскошью, которую он не мог позволить себе выразить внешне, не говоря уже о том, чтобы поделиться с кем-то. Хань Мяо молча сжал все это в себе, не оставив ни единой щели.

Но сейчас, наблюдая за суетой семьи Шэнь, все, что казалось забытым, вдруг всплыло на поверхность, обжигая внутренности и сжимая сердце. Страх перед смертью и невыносимая горечь — как можно было забыть это?

Свет фонаря был тусклым, ночь окутала все вокруг, и даже лицо Хань Мяо оказалось в тени, скрывая его выражение. Чжэнь Цюн почувствовал, как сердце его сжалось, и вдруг схватил Хань Мяо за руку. Он вырос в даосском храме, без родителей, и не мог понять, что это за чувство. Но, глядя на лицо, с которого исчезла улыбка, он почувствовал сильную боль и захотел что-то сказать, чтобы вытащить его из этой тьмы.

— Я... я могу приготовить одно лекарство, которое очень помогает при грудной жабе!

Рука, сжимающая его, была теплой, но не мягкой, скорее грубой. Но она держалась так крепко, как и его голос, полный отчаяния, словно пытаюсь удержать его.

Хань Мяо повернулся и посмотрел на того, кто стоял рядом. Глаза его блестели, в них читалась тревога и осторожность, как будто он боялся его разбить. Он был главой дома Западная Хань, человеком, способным держать на своих плечах весь дом и заставлять врагов отступить. Он никогда не считал, что у него есть слабости, которые могут быть использованы против него. Но все же кто-то беспокоился о нем, боялся, что он будет страдать.

— Если бы я встретил тебя несколькими годами раньше, Цюн, все могло бы быть иначе. — Хань Мяо сжал его руку и мягко произнес.

Он не знал, поможет ли это «лекарство», но рука, держащая его, была лучше любого лекарства.

В глазах Хань Мяо было что-то незнакомое и мягкое, что, казалось, проникало прямо в сердце. Чжэнь Цюн почувствовал, как боль в груди усилилась, и ему захотелось сорвать с неба все звезды и подарить их, лишь бы он снова улыбнулся.

«Нужно обязательно приготовить лекарство! Даже если это будет взрываться, нужно попробовать. Грудная жаба может передаваться по наследству, и он не может допустить, чтобы Хань Мяо заболел!»

Пока он размышлял об этом, Чжэнь Цюн незаметно придвинулся ближе к Хань Мяо. Два силуэта почти слились воедино, словно опираясь друг на друга.

Хотя Хань Мяо не придавал особого значения «лекарству», Чжэнь Цюн все же собрался с духом и начал подготовку к его приготовлению. Грудная жаба могла быть смертельной, и хотя Хань Мяо был еще молод и не проявлял признаков болезни, лучше подготовиться заранее, чем потом метаться в панике.

Говоря об этом лекарстве, это был редкий препарат, который могла самостоятельно производить школа Металла и Камня. Его случайно создал один из мастеров алхимии, и поскольку он состоял из двух сильных кислот и глицерина, его назвали «кислым маслом». Появившись всего двадцать лет назад, он уже стал знаменитым сокровищем школы Металла и Камня, получив прозвище «лекарство, воскрешающее из мертвых».

И это не только потому, что «кислое масло» могло облегчить сильную боль при грудной жабе и предотвратить внезапную смерть пациента. Оно также стоило как золото, позволяя даже бедным храмам «воскреснуть из мертвых». Дело не в том, что его было сложно приготовить, а в том, что оно было чрезвычайно опасным и могло взорваться, убивая людей.

Храм, где впервые обнаружили «кислое масло», вместе с мастером алхимии, потерял четырех человек. В последующие годы еще около сотни человек погибли, пытаясь приготовить это лекарство. Хотя в алхимии взрывы печей неизбежны, но таких мощных взрывов, которые уносили бы столько жизней, как в случае с «кислым маслом», больше не было.

Позже императорский двор издал строгий указ, разрешающий производство этого лекарства только в нескольких крупных храмах. Из-за строгих запретов и высокой опасности храмы, которые тайно производили «кислое масло», стали редкими. Но те небольшие храмы, которые находились на грани закрытия, все же продолжали тайно готовить его и продавать на черном рынке. Храм, где жил Чжэнь Цюн, был одним из них. Его учитель, прежде чем возглавить храм, занимался этим «воскрешающим» делом и, цени свою жизнь, разработал некоторые хитрости.

Позже он передал их своим ученикам, чтобы в случае чего храм мог выжить, полагаясь на этот рецепт.

К сожалению, он не успел им воспользоваться, прежде чем оказался в Великой Сун.

Чжэнь Цюн вздохнул, но затем собрался с духом. Не удалось использовать это в Великой И, но можно использовать в Великой Сун. Если он приготовит это лекарство и подарит Хань Мяо для защиты, разве это не будет утешением для него?

<http://bllate.org/book/16827/1547438>